

Завораживающие детективы
Виктории Платовой

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Что
скрывают
красные
маки

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Под редакцией *О. Рубис*

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Что скрывают красные маки / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095929-7

Что скрывают красные маки?..

Боль... Страх... Предательство... Убийство...

В разных районах Санкт-Петербурга находят тела молодых женщин с перерезанным горлом. Следственно-оперативная группа пытается вычислить преступника и разгадать его жестокую и опасную игру. Нарочито театрально обставлены все убийства: горло жертвы перерезано опасной бритвой и слегка присыпано землей, рот забит стеклянными шариками. И наконец, «Красное и зеленое». Сочетание цветов, давшее неофициальное название этому делу. Запястья жертв как личной меткой убийцы перетянуты обрезком ткани, на котором все же можно разглядеть маки. Красные маки на зеленом поле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095929-7

© Виктория Платова, 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

INTRO. SLEEPING LOTUS. 2:32

1989 г. Август

МАНАКИН

...

— Заткните уже этого дятла малолетнего. Кто-нибудь заткнет или нет? Надоело слушать его скулеж.

— *Какого черта, Акела? Он же молчит. Давно молчит. И будет молчать. Никому ни о чем не расскажет. Никогда. Я обещаю.*

— Решил за него вписаться? С чего бы?

— *Он ни при чем, Акела. Он вообще не должен был...*

— Вот именно. Не должен. Твой косяк, Шух. Ты сегодня знатно накосячил, брателло.

— *Какой же ты гад... Сволочь.*

— Интересное кино. Ты убил, а я — сволочь?

— *Это... это был несчастный случай.*

— Угу. Скажи еще, что это она вызвала тебя сюда гребаной запиской.

— *Несчастный случай, слышишь?*

— Ментам будешь объяснять, чувак. Не мне.

— *Гад! Гаа-ад!..*

— Тебе лучше не злить меня, брателло. Я пока еще на твоей стороне. Пока.

— *Хорошо. Просто скажи, что делать.*

— Для начала заберешь свои слова назад. «Сволочь», и все такое...

— *Да. Конечно. Прости.*

— Что ты там бормочешь себе под нос? Не слышу.

— *Прости меня.*

— Считаю, что простил. Мы же друзья? Друзья, да?

— *Да. Я не хочу ментов. Хочу, чтобы всего этого не было.*

— Хех. Это уже есть, брателло. И ничего тут не поделаешь. Не справишь, вот оно что.

— *Не называй меня так. Брателло... Дурацкое слово.*

— Не нравится, да?

— *Да.*

— А мне — так в самый раз. Ты накосячил, брателло. Ты — убийца.

— *Это был несчастный случай. Несчастный случай. Несчастный случай.*

— Стукнись башкой о камень, полегчает.

— *Ты ведь подтвердишь это, да?*

— Конечно. Так и скажу. Брателло Шух не так чтобы очень виноват. Ну, зазвал девчонку в лес. Просто проверить, на что она пойдет ради него. Шух ведь у нас знаменитость, а ради знаменитости — чего не сделаешь? Она ведь могла и не пойти, так?

— Да! Свободно могла не пойти.

— За руки ее не хватали.

— И в мыслях не было.

— Сучка, да?

— Сучка! Сучка!

— Конченная сука. Любительница покрутить динамо. Больше всего таких ненавижу. Сказала «а», говори «б». И избежишь ненужных проблем. Верно?

— Так и есть, Акела. Так и есть! Она сама во всем виновата. Сама!

— Не ори. Чего теперь орать? Дело сделано. Ты ее убил.

— Это был несчастный случай! Ты же сам все видел.

— Нет. Не видел.

— Ты же... Ты же сам подначивал! Гад! Га-аад!..

— Опять за свое?

— Прости. Прости, пожалуйста.

— Я не видел, но готов подтвердить все, что ты скажешь. И Мокша подтвердит. Он, конечно, дурачок, но дуракам как раз верят. Больше, чем умникам. Больше, чем знаменитостям. Уж не знаю, почему так. Мы подтвердим, брателло, не вопрос. Весь твой лепет про несчастный случай подтвердим. Но только это не поможет.

— Нет?

— Не-а. Потому что она мертвая — в тех кустах. Кина не будет, брателло Шух. Конец ему. Забудь о нем навсегда.

— *Не хочу я забывать.*

— А придется. Карьера твоя накрылась, тут к гадалке не ходи. Кто станет смотреть фильм с убийцей в главной роли? Разве что Мокша. Но Мокша — дурачок. А остальные — не дураки.

— *Ты ведь поможешь мне, Акела?*

— С чего бы?

— *Мы друзья. Друзья. Ты сам это сказал.*

— А ты что думаешь?

— *Так и думаю. Мы друзья.*

— До тех пор, пока лето не кончилось?

— *Нет. Нет!*

— До тех пор, пока съемки не свернули?

— *Навсегда, Акела. Навсегда. Помогите мне.*

Скажи, что делать.

— Если ты забудешь, что сказал...

— *Я не забуду.*

— Если забудешь — я напомню.

— *Не придется напоминать.*

— Лады, брателло. Иди, копай.

— *Не понял?*

— Зароем сучку, как будто ее и не было. Чего непонятного?

— *Как будто и не было, да. А... если ее найдут?*

— Не найдут. Места здесь глухие. И с войны много чего в земле осталось: наступишь случайно — на молекулы разнесет. Или... что там меньше молекул?

— *Не знаю. Атомы.*

— Во! Умник, да?

— Нет.

— Ну, не важно. А важно, что лишний раз сюда соваться резона нет. Иди, копай, умник.

— Руками?

— Нет, за лопатой сгоняем. Может, тебе еще экскаватор подогнуть?

— Вряд ли получится... руками.

— Получится. Земля мягкая, всяких палок полно. Справишься.

— Ты... не поможешь мне?

— Я и так уже помог тебе, брателло.

— А Мокша? Может, он...

— Нет. И надо решить, что делать с сопляком.

— Он будет молчать...

— Иди, копай.

— Просто не трогай его. И Мокша пусть не трогает.

— Никто его не тронет. Не волнуйся. Никто его не тронет, кроме тебя.

— Что... ты имеешь в виду?

— Ты должен решить и эту проблему. Вот что.

— Нет никакой проблемы...

— Она есть, брателло. Если малолетка откроет пасть — ее будет не захлопнуть. А он откроет. Стопудово.

— Не факт.

— Хочешь испытать судьбу?

— Я поговорю с ним. Он привязан ко мне...

— Сучка тоже тобой восхищалась. И что мы имеем в сухом остатке?

— *Это не одно и то же. Это — совсем другое. Совсем.*

— Ну да, ну да. Сколько ему?

— *Я не знаю точно. Может, семь. Или около того.*

— Хреново. Я в семь лет соображал не хуже, чем сейчас. Два и два складывал без посторонней помощи. И он все сложил наверняка. Благодарю Мокшу, что вовремя его заметил. И вовремя ухватил за шкирбот. Иначе бы нас... Тебя... ждали бы крупные неприятности.

— *А сейчас?*

— Сейчас есть возможность их избежать. Если ты, конечно, решишь проблему, брателло.

— *И как ты предлагаешь ее... решить?*

— Ты знаешь ответ.

— *Понятия не имею, о чем ты.*

— Два и два, Шух. Сложи два и два.

— *Что-то не складывается, Акела.*

— Лады. Я сегодня добрый и потому даю подсказку: чтобы пасть не распахнулась в самый неподходящий момент, ее надо закрыть. Навсегда. Теперь ясно?

— *Га-ад! Га-аад!*

— Стукнись башкой о камень...

— *Не полегчает от этого! Не полегчает. И ты не заставишь меня...*

— Я? Да я даже париться не буду. Сейчас свистну Мокше, и он отпустит сопляка. И конец твоему кино. Ни в одном фильме больше не снимешься, даже на сраный эпизод не возьмут. Так мне свистеть?

— *Погоди. Я поговорю с мальчишкой. Мы с ним неплохо ладим. Он слушает меня.*

— А, да. Кем вы там друг другу приходитеесь в вашей дебильной киношке?

— *Братьями. Он — мой младший брат.*

— Он — не твой младший брат. И он тебе ничего не должен. А ты — ему. Но он оказался в ненужное время в неправильном месте. Это надо исправить.

— *Не таким способом, как ты предлагаешь.*

— Знаешь способ лучше?

— *Я поговорю с ним. Может, он и не видел ничего.*

— Примерно это он и скажет тебе: я ничего не видел. Я бы так и поступил на его месте. А потом ждал бы, когда добренький Шух меня отпустит. Шух ведь лучший парень на свете. Одна беда, он — убийца.

— *Заткнись!*

— Боишься, что сопляк услышит?

— *Я... я не убивал.*

— Несчастный случай, а-ха-ха-ха! Плавали, знаем. Сам себе этим мозги канифоль. Мне — не надо.

— *Я не сделаю того, что ты предлагаешь.*

— Мне свистеть?

— Подожди. Должен быть другой выход.

— Нет другого выхода. Либо ты отпускаешь сопляка, либо решаешь проблему.

— Должен быть другой выход.

— Прикинь, как расстроятся твои родаки, когда узнают, что произошло. Знаменитость всесоюзного масштаба — и такая запендя. А остальные тебя на куски порвут. И больше ни одного фильма. Ни одного, брателло Шух.

— Я... не могу этого сделать.

— Да брось ты. С сучкой ведь прокатило. Как по маслу. Э-э... Ты чего? Никак блевануть задумал? Не знал, что ты такой слабак.

— Все в порядке. В порядке. А если... Если Мокша...

— Предлагаешь Мокше вынести за тобой твое же говнище? Так не пойдет, брателло. Тут каждый за себя. И за тебя немного, конечно. При условии, что косяки ты исправляешь сам.

— Я не смогу. Потому что это уже не несчастный случай.

— Самый что ни на есть. Не ссы, Шух. Пара неприятных минут — и все будет, как раньше. Хочешь, чтобы все было, как раньше?

— Как раньше уже не будет, так? Ты сам говорил...

— Будет по-другому. Но всяко лучше, чем сейчас.

— Он маленький. Слабый. Я не могу.

— Тебе решать, Шух.

— Нет. Не могу.

* * *

— Тебе не сделали больно, малыш?

— Нет.

— Я же вижу. Вон и царапина на шее.

— У тебя тоже царапина на шее.

— Что? Вот черт!.. Че-ерт. Ну, ничего страшного. Мы же братья, да? Так что если у одного что-то прибавилось, то и у другого прибавляется тоже. Я прав, Генка?

— Да. Только я не Генка. Я Сережа.

— Прости-прости. Генка ты на съемках. Вот я и забыл. Тупо вжился в образ. Кино ведь такая штука. Все на свете забываешь. Я прав?

— Да.

— Ничего нет лучше, чем кино.

— Да.

— И сам уже не знаешь, где настоящее, а где придуманное. Стоишь — и глазам своим не веришь. У тебя так бывает, Генк... Сережа?

— Да.

— Вот и у меня. Постоянно. А еще я люблю репетировать всякие сцены с друзьями. Даже когда Анатолия Михалыча нет рядом... Так, для себя, чтобы быть в форме. Михалыч — хороший мужик и режиссер классный. Согласен?

— Да.

— Не больно ты разговорчивый.

— И на лбу тоже царапина. У тебя.

— Хм... Будем считать, что это — производственная травма. Знаешь, что такое производственная травма?

- Да.
- *Надо же!*
- У папы была такая. Произ... Производственная. Ему паром руку обожгло. Сильно.
- *Но теперь-то все в порядке?*
- Да.
- *А царапина заживет. По сравнению с рукой все это — пустяки. Как думаешь?*
- Да.
- *Гримом замажут — всего делов. Будем с тобой и дальше сниматься.*
- Сегодня за мной папа приезжает.
- *А... Точно. С тобой уже все отсняли. А мы ни разу и не поговорили толком. Даром что братья. Но еще поговорим ведь? А? Что молчишь? Ну... Хочешь, я этому Мокше уши оборву? Будет знать, как маленьких обижать.*
- Нет.
- *А хочешь, подарю тебе свой ремень? Зэканский ремень, мне его из Штатов притаранили. Ни у кого такого нет. Сейчас, погоди... М-мм. Забыл. Забыл его надеть с утра. Но перед отъездом обязательно получишь.*
- Не забыл.
- *Что?*
- Ты его не забыл.
- *Ну да черт с ним, с ремнем. Потом с ним разберемся, да?*
- Нет.
- *Я и говорю, черт с ним. Но если хочешь знать...*

— Не хочу.

— Царапины... э-э... ненастоящие. Так надо для фильма. Мы тут кое-что придумывали по ходу дела. Одну сцену. В сценарии ее нет, но Михальчу точно понравится. Так что, если ты здесь что-то увидел... И тебе это показалось странным... Просто помни — это кино. Все понарошку — как царапины. А от настоящих фиг отличишь, правда?

— Да.

— Так-так. Лишнего слова из тебя не вытянуть. Молчун, да? Вообще это хорошее дело — быть молчуном. Молчуны — самые верные друзья. Мне как раз нужен такой. Будешь мне другом? Ну?

— Нет.

— Обиделся? Из-за того громилы? Я же предлагал ему уши надрать.

— Из-за тебя.

— А что со мной не так?

— Я думал, ты хороший. Самый лучший.

— Я и есть хороший. Самый лучший. Твой брат, пусть и в кино. Твой друг. Ты в каком классе учишься?

— Буду во втором.

— А теперь представь. В классе узнают, что я — твой друг. Да тебя все на руках носить будут. Если, конечно, не помрут от черной зависти. Любой бы мечтал оказаться на твоём месте. Скажешь, нет?

— Я думал, ты хороший. Самый лучший.

— Так и есть, Генк... Сережа. Так и есть!